

русских жить в мире с аборигенами Аляски и в их попытках улучшить условия жизни и быт алеутов и индейцев. Известное по другим источникам и исследованиям внимательное отношение Российско-Американской компании к креолам также подтверждается записями К. Хлебникова.

Созидательный характер деятельности русских в Америке, более человеческое их обращение с аборигенами, чем в колонизируемых областях США, признается многими американскими исследователями, в частности известным историком XIX в. Г. Г. Бэнкрофтом. Русский вклад в освоение Аляски в историческом плане тем более значим, что по приходу на Аляску американцы практически полностью разрушили все созданное здесь русскими. И тем не менее русское наследие в культуре и быту аборигенов, на географических картах, в не потерявших научной ценности результатах исследований Аляски русскими сохраняется до сих пор⁵. Записи К. Хлебникова помогают лучше осмыслить все эти факты.

Особого упоминания заслуживает работа составителя, автора предисловия, комментария и словаря С. Г. Федоровой. Не будет преувеличением сказать, что без этой работы «Записки» К. Хлебникова читались бы с трудом даже специалистами. С. Г. Федорова хорошо известна советским и американским читателям как автор глубоких исследований по Русской Америке, подавляющее большинство которых переведено в США и Канаде на английский язык. Кроме того, она лично знакома с «полигоном» своего исследования — Аляской, а также участвовала в проводимых в США научных конференциях по истории Русской Америки. С. Г. Федорова снабдила книгу предисловием, обширнейшими пояснениями к тексту и иллюстрациям, предметным словарем-указателем специальных терминов, местных и устаревших слов, а также указателем географических названий и указателем имен. В пояснениях даны развернутые тексты и ссылки на труды современных К. Хлебникову и позднейших авторов, а также, что особо нужно подчеркнуть, на архивные материалы; их число очень велико, и сами по себе они читаются с большим интересом. В значительной мере это материалы, или впервые введенные в научный оборот, или основательно забытые даже специалистами. Использовано большое число американских и других зарубежных исследований.

Немаловажное значение имеет высокое полиграфическое качество издания, а также богатые иллюстрации.

Рецензируемая книга является второй публикацией трудов К. Т. Хлебникова, первая («Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова») вышла в 1979 г. Хотелось бы скорее видеть третью публикацию — о русской Калифорнии. Хорошо бы было составителю снабдить ее предисловием, в котором более обстоятельно, чем в предисловии к рецензируемой книге, были бы показаны основные черты процесса исследования и, что особенно важно, освоения Америки русскими. И надо надеяться, что составитель и издательство избавят последующую публикацию от довольно большого количества подчас весьма досадных опечаток, которые встречаются в рецензируемом труде.

Но это все детали. Публикацию трудов К. Т. Хлебникова, особенно с такой обобщающей эти труды «научной подачей», какой отличается рецензируемая книга, следует высоко оценить и всемерно приветствовать.

Г. А. Агранат

⁵ См.: Агранат Г. А. Первые полвека американского господства на Аляске//Летопись Севера. 1962. Т. 3. С. 223—238; Федорова С. Г. Русское наследие в судьбах коренного населения Аляски//Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. С. 244—266.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

И. М. Меликсетова. Трибализм и государственность (Этнонациональные и социально-политические процессы в Папуа — Новой Гвинее в 60—80-е годы XX в.). М., 1985. 170 с., илл.

Эта небольшая, скромно, но изящно оформленная книга — одно из не очень многочисленных в советской науке исследований по этнографии и социологии Океании, основанных на личных наблюдениях автора (в полевые сезоны 1971 и 1977 гг.). Основная задача книги — проанализировать, как соотносятся и влияют друг на друга в Папуа — Новой Гвинее две основные категории социальных связей, отношений и институтов: с одной стороны, традиционные, основанные на издавна сложившихся этнических, кровнородственных, соседских, территориальных группировках, а с другой стороны, привнесенные в процессе современного экономического и политического развития группировки и организации государственного, политического, предпринимательского характера. Тем самым круг проблем, рассматриваемых в книге, расширяется далеко за пределы понятий, вынесенных в заглавие. Трибализм и государственность выступают здесь лишь как условные обобщающие символы двух комплексов общественных структур — традиционного и современного.

Трибализм — это идеология племенной организации, вступившей в контакт (и соответственно конфликт) с государственным устройством современного типа. Но ново-

гвинейская действительность, как пишет сам автор (с. 8), представляет собой еще незавершенный вариант формирования племенной организации. Социальные традиционные отношения здесь значительно аморфнее, чем в классическом племени, и варьируют в весьма широких пределах. Именно этпосоциальной неоднородности новогвинейских обществ и посвящена первая глава рассматриваемой книги. Хотя «социальные различия между многочисленными обществами Папуа—Новой Гвинеи сложились внутри единой формации» (с. 12), т. е. первобытнообщинной, но все же различия эти очень велики, и автор здесь уделяет значительное внимание разным типам обществ, сложившимся в результате сочетания воздействия природной среды и конкретных исторических обстоятельств, и характеризует историю их формирования.

Во второй главе на конкретных, описанных с убеждающим «эффектом присутствия» примерах показана специфика развития социальных отношений на отдельных островных группах «островной дуги» и в разных районах главного острова Новой Гвинеи. Здесь показано, как на этнические различия накладываются конфессиональные (в лице разных, враждующих между собой миссионерских христианских направлений) и социально-профессиональные, когда отдельные этнические группы составляют значительную часть интеллектуальной и административной элиты для других районов страны. Характерно при этом, что основной центр лояльности «своих к своим», влияющий и на социальную, и на материальную взаимную поддержку и вообще на формирование групповых интересов и чувства принадлежности и сопричастности, лежит в рамках не этнических групп («племен» и соплеменностей), и даже не в рамках отдельных поселков, а в рамках «кланов», которых иногда может быть 10—15 в одном поселке, а с другой стороны, они могут быть разбросаны между разными поселениями. Очень досадно, однако, что автор не смог ничего сообщить читателю о сущности этих «кланов» — об их примерной средней численности, эндогамности или экзогамности, системе брачных связей с другими «кланами» и т. д. А все эти вопросы чрезвычайно важны, так как создается впечатление, что вся динамика социальных связей в Папуа—Новой Гвинее формируется в значительной мере именно на «клановой» основе.

Большое значение для этой динамики имеют и более широкие, чем «клан», группировки, обозначаемые на «пиджине» как «ванток» (*wan tok* от англ. *one talk*, т. е. «говорящие на одном языке»). Понятие это новое, расплывчатое и многоступенчатое, оно отнюдь не идентично этноязыковой группе: «ванток» может быть и шире, и уже таковой. Автор много пишет о разных социальных, этнических, суб- и суперэтнических аспектах функционирования концепции «ванток», но все же сущность ее остается не до конца ясной. Вряд ли можно говорить, что связи «ванток» рождены «в процессе развития первобытнообщинных отношений» (с. 77): они явно появляются на стыке этих отношений с капиталистическими, рыночными, товарно-денежными. Но вывод, что «связи „ванток“ объективно служат промежуточным звеном между доклассовым и классовым, фрагментированным и гражданским обществом» (с. 78), представляется верным.

Еще одно интересное и важное наблюдение сделано И. Меликсетовой. Понятия «один клан» и «один круг деловой активности» (*lain i bisnis*) практически совпадают. Быть в одном «бизнесе» («*mitupela i wan bisnis*») и значит, собственно, быть в одном клане, т. е. экономические связи строятся по линиям структуры родоплеменного общества. Препреуспевающий человек щедро «благотворит» своим родственникам и свойственникам, но он явно может и эксплуатировать их труд для достижения своих целей в «бизнесе», которые внешне выглядят не как его личные, а как клановые. Это и есть трибализм в действии. К сожалению, второй, потенциально эксплуататорской стороны клановых связей автор не раскрыл, но приводимый материал явно подводит к таким выводам.

Последняя, третья глава книги показывает, как накладываются на «родо-племенную», или, что будет точнее в данном случае, кланово-общинную структуру другие, совершенно иные структуры, скопированные с государственных механизмов развитых наций — политические партии, парламентаризм, государственная администрация. На низовом уровне, действуя через местные «комиты», эти институты неизбежно преломляются все той же кланово-общинной организацией и, будучи «современными» по форме, в реальности отражают прежние традиционные межличностные и межгрупповые связи. Но кроме этого, они позволяют сформироваться своего рода «супертрибалистским» устремлениям, которые и принимают форму «регионализма»: таково движение «папуа бесена» в бывшей территории Папуа, региональные интересы о. Бугенвиль, да по существу и все округа получили автономию со своими премьер-министрами, правительствами и департаментами. Несомненно, здесь действует и обратная связь, и наличие таких учреждений активно формирует региональную элиту из числа доминирующих в данных округах этносов (например, как показывает автор, в округе Чимбу эта роль принадлежит этносу куман).

Таким образом, в работе И. М. Меликсетовой можно найти и данные, позволяющие хотя бы ориентировочно прогнозировать ход дальнейшего этнического развития у исключительно дробного и многоплеменного населения Папуа—Новой Гвинеи.

В целом следует приветствовать появление этой книги, являющейся ценным вкладом в развитие советской океанистики, и выразить сожаление (увы, ставшее в последнее время почти общим местом в рецензиях такого рода), что она издана столь малым тиражом (всего 800 экз.).

С. А. Арутюнов